

Кюхельбекер Вильгельм Карлович

1797–1846

Рождество

Сей малый мир пред оными мирами,
Которые бесчисленной толпой
Парят и блещут в тверди голубой,
Одна пылинка; мы же - что мы сами?

Но солнцев сонм, катящихся над нами,
Вовеки на весах любви святой
Не взвесит ни одной души живой;
Не весит вечный нашими весами.

Ничто вселенна пред ее Творцом;
Вещал же так Творец и Царь вселенной:
«Сынов Адама буду Я Отцом;
Избавлю род их, смертью уловленный, -
Он не погибнет пред Моим лицом!» -
И Бог от Девы родился смиренной.

2 января 1832

Пасхальный первый

Меня беды и скорби посещали
От дней младенчества до седины;
Я, наконец, и горе и печали
Так встречу, как утес напор волны.

Но что - хулы меня ли взволновали?
Все чувства чем во мне возмущены?
Слуга Христов, бесславлен миром, я ли
Лишился вдруг сердечной тишины?

Кто я? ничтожный грешник! А Чудесный,
Божественный, Господь, Владыка сил,
Явился ли, одетый в блеск небесный?
Нет! в прахе Он, Светлейший всех светил,
Он в низости окончил путь Свой тесный
И дух на древе срама испустил!

3 марта 1832

Пасхальный второй

«Почто я не перунами владею
И грянуть не могу велеть громам?
Нет! не стерплю: коварному злодею,
Ковавшему погибель мне, воздам!» -

Так, пьян от мести, рьян и шумен ею,
Свирепым, адским жертвуя духам,
О Боже мой! пред благостью Твоею
Возносит грешник вопли к небесам.

Но Тот, Который с самого создання
Единый был безвинен пред Тобой,
Приял неизреченные страданья,
И весь, исполненный любви святой:
«Отец Мой, отпусти им грех незнания!» -
Молился за объятых слепотой.

4 марта 1832

Магдалина у гроба Господня

Мария, в тяжкой горести слепая,
Назвала вертоградарем Того,
Кто, гроб покинув, ей вещал: «Кого
Здесь в гробе ищешь, плача и рыдая?»

И отвечала: «Тела не нашла я...
Ах! Господа отдай мне моего!»
Но вдруг Он рек: «Мария!» - и Его
В восторге узнает жена святая...

Не так ли, больший, чем она, слепец,
Взывал я, с промыслом Всевышним споря:
«Почто меня оставил мой Творец?»
А Ты - Ты был со мной и среди горя!
Я утопал, но за руку, Отец,
Ты удержал меня над бездной моря.

6 марта 1832

Вознесение

Божественный на Божиим престоле;
Христос на небо, выше всех светил,
В Свое отечество, туда, отколе
Сошел на землю, в славе воспарил.

Своих же не покинул Он в неволе,
Их не оставил в узах темных сил;
Нет! слабых их и трепетных дотоле
Неколебимым сердцем одарил.

И всех стремящихся к Его святыне,
Горе на крыльях душ Ему вослед,
Он свыше укрепляет и поныне:
Им песнь Эдема слышится средь бед,
Средь бурь, в юдоли слез, в людской пустыне,
И так вещает: «Близок день побед!»

19 мая 1832

Молитва узника

Руку прости над моею темницей,
Господи, сирую душу мою
Ты осени милосердной десницей!
Господи, Боже! К Тебе вопию!

Нет! Своего не погубишь созданья!
Скорбных ли чад не услышит Отец?
Зри мои слёзы, сочти воздыханья,
Веры моей не отвергни, Творец!

Мне не избавиться смертных рукою:
Друг мой и ближний мне гибель изрёк.
Так! Я спасуся единым Тобою!
Господи! что пред Тобой человек?

Боже мой! Тяжки мои преступленья,
Мерила нет моим тяжким делам...
О, да воскресну из уз заточенья
Чист и угоден Господним очам!

Будь для меня исцеляющей чашей,
Чашей спасенья, горестный плен!
Слёзы! Омоясь купелией вашей,
Нов я изыду из сумрачных стен;

Нов и для жизни, Ему посвящённой.
Он мой Спаситель, Заступник и Бог;
С неба внимает молитве смиренной:
Милостив Он, Он отечески строг.

Первая половина 1830-х годов

На воскресение Христа

Душа моя, ликуй и пой,
Наследница небес:
Христос воскрес, Спаситель твой
Воистину воскрес!
Так! Ад пред Сильным изнемог:
Из гробовых вериг,
Из ночи смерти Сына Бог
И с Ним тебя воздвиг.
Из света вечного Господь
Сошёл в жилище тьмы,
Облёкся в персть, оделся в плоть -
Да не погибнем мы!
Неизреченная любовь,
Всех таинств высота!
За нас Свою святую Кровь
Он пролил со креста.
Чистейшей Кровию Своей
Нас, падших, искупил
От мук и гроба, из сетей
И власти тёмных сил.
Христос воскрес, Спаситель мой
Воистину воскрес.
Ликуй, душа; Он пред тобой
Раскрыл врата небес.

Бессмертие есть цель жизни человеческой

Из туч сверкнул зубчатый пламень.
По своду неба гром протек,
Взревели бури — челн о камень;
Яряся, океан изверг
Кипящими волнами
Пловца на дикий брег.
Он озирается — и робкими очами
Блуждает ночи в глубине;
Зовет спутников, — но в страшной тишине
Лишь львов и ветра вопль несется в отдаленьи.

Увы! так жизни в треволненьи
Единый плач я зрю, стенанья полон слух;
Безвестность мрачная, мучительно сомненье
Колеблют мой смущенный дух!

Как море зла волнуется повсюду!
Венцов и скипетров на груди
Воздвигнул изверг свой престол, —
И кровью наводнил и град, и лес, и дол,

И области покрыл отчаянья туманом!
Герой, невинных щит, гоним, повержен в прах,
Неблагодарности, неистовства в ногах
Его безглавый труп терзаем хищным враном;
С сверкающим мечем на брата брат восстал,
И на родителя десницу сын подъял.
О небо! где ж перун, злодеям мститель?

Всевышний Судия! почто Твой глас утих?
Иль нет Тебя, каратель злых,
И случай нам властитель?
Могила, знать, всему предел,
И извергов она, и добрых – всех удел!
Увянут благость и пороки,
И тленья лишь текут за гробом мрачны токи!
И совесть, и закон, и честь, и долг – мечты!

К чему ж заботы и труды?
Не льстися за добро, безумец, воздаяньем
И не внимай слезам, стенаньям!

Дух сладострастию предай
И сердце негой упоай!
Нет Бога! – внемлешь ли? – нет вечныя награды
И буйству нет преграды!

Но что! возможно ли? и солнце и луна
Родились ли сами собою?
С угрюмой, хладною зимою
Цветущая весна
Сменяются по собственной ли воле?
Кому послушны ночь и день,
Когда то свет зари, то сумрачная тень
Объемлют холм и поле?

Кто одарил меня душой?
С ее сравненны быстротой
Недвижны ветер, и звук, и самый свет, и время:
Телесности отбросив бремя,
Сверкает молниной стрелой,
Миры мгновенно пролетает,
Вселенную в себе вмещает!

И случаем она
Во мне средь мрака возжена?
И случай сей не Бог всесильный,
Благий, премудростью обильный?
Егова, случай ли, Ормузд или Зевес
Царя небес
Святое имя? – Но вовеки
Всему начало Он, всему конец,

На нас лиет щедрот Он реки,
Он чад Своих Отец!

Я мыслю, я Тебя, Творец мой, постигаю,
Горячия мольбы поток
Перед Тобою изливаю,
Ума на крыльях взлетаю
В Твой выпренной чертог!
И смерть в Твоем бессмертном лоне
Дерзнет пожать меня, как злак,
И при моем последнем стоне,
Отец! Твой не смутится зрак?
Ужель столь пышными дарами
Меня, как первенца цветами,
Ты на закланье увенчал?
О, если так! клянусь тот час, где я мученья
С мгновенной жизнью приял.
Ах! лучше бы вовек я мрачного забвенья
Из недра не был извлечен,
Для бедствий лишь одних вовеки не рожден!

Почто моим страстям положены препоны?
Почто глас совести влиян во грудь мою?
Почто, лишь преступить дерзну
Суровые ее законы,
Вторгается в меня весь ад?
Счастливые, счастливей во сто крат
Попранный червь моей ногою!

Но да исчезнет с страшной мглою
Воображения призрак!
Источник слез да иссушится —
Иль нет! да не престанет литься
Он благодарности во знак!
Бессмертие! о мысль неизреченна!
К престолу Вышнего возносишь ты меня:
Погибнет вся вселенна, —
Но невредим пребуду я!
Воскреснет юный мир, порядок воцарится
И снова в бездну погрузится —
Но средь развалин сих стою неколебим,
Средь общей гибели рукой Отца храним!
О сын земли, воспрянь, воспрянь от заблужденья,
И мрак сомненья
От веждей отряси,
И глас природы вопросы!
Ужели он тебя, слепец, не убеждает?
«Бессмертен ты, — вещает, —
В бессмертии с Самим равняешься Творцом,
Конец твой сопряжен лишь вечности с концом!
Се червь, се образ твой лежит перед тобою,

Недвижим, заключен
Во гроб самим собою;
Но лишь весеннею порою
От животворного луча
Вдруг рощи восшумят, одежду получа,
С берегами реки пробудятся,
От склянных свободясь оков,
И тенью рощи осенятся,
И прекратится царство льдов, —
Оставя дом свой тесный,
Он явится в лугах сильфидою прелестной,
Распустит крылья, воспарит,
От розы к розе полетит!»

Почто, коль жизни луч пожрется тьмою вечной,
Почто же пламенным желанием томим?
Почто же от утех ты жаждой бесконечной
К утехам новым век гоним? —
Вот сибарит перед тобою;
Рабов он шумною толпою,
Прислужниц роем окружен, —
Но пресыщением, как некою горою,
Печалью, грустью угнетен;
Ему свиного страшнее клика
Лидии нежная музыка,
Ему вино золотое —яд;
Рукой он кубок отвращает
И томный, страждущий свой взгляд
Во мрак хитона погружает!
На честолюбца взор прости,
На вихря бранного воззри,
Кого кровавый след и днесь еще дымится!
С его могуществом дерзал ли кто сравниться?
Он цепью приковал блестящий сонм царей
К своей победной колеснице;
Всесокрушающей покорствуя деснице,
Тирана грозного очей
Все племена страшились, трепетали
И молча жизнь иль смерть из уст его внимали!
А он? он клял судьбу
И из торжеств своих и сердцу и уму
Единую извлек отраву;
И вот — утратил трон, и счастье, и славу!
И что ж? — он дней своих не прекратил!
Грозящей вечности злодея вид страшил,
Что слез и воплей дани,
Мученья нес ему в неумолимой длани,
И гласом громовым: «О трепещи!» — вещал —
И ум ужасного вдруг ужас обуял!

1814

Первое раскаяние

Спал Океан, берега в седую тянулись безмерность,
В даль, за песками пески, другое невлажное море.
В даль серафим Аббадона летел, посол разрушенья,
Грозный союзник и враг Сатаны; концы его крыльев,
Быстрых, широко разверзстых, касались зыбей; но незапно
Прервал полет серафим и на камень приводный спустился.
В оное время Зефир развевал живые ветрила.
Солнце сходило с лазурных небес; пучины пылали;
Здесь Альциона вилась и кружилась, в восторге сияя,
Там лебедей выплывало спокойное белое стадо, —
Гимном была пред Творцом Природа и в самой пустыне.
Глядя невольно на прелесть ее, на скляные воды,
На потухающий в огненной влаге светильник вселенной,
На выплывающий месяца шар, трепещущий, бледный,
Силился вздох задушить в могущей груди Аббадона;
Тяжко вздымалась она, и тьмились бессмертные очи.
Он о невинности вспомнил, вспомнил о счастье минувшем —
Мрачен и нем и с мига на миг угрюмей и тише,
Страшен и даже красой, сидел он на камне приводном,
Будто бы мраморный лик, сотворенный ваятелем смелым.
Ветер по воздуху черные кудри страдальца разбросил.
Долго недвижимый сидел и вдруг он, растерзанный, вспрынул.
Топнул ногой об утес, громада под ним развалилась;
Богохуленье изрек и упал, и сызнова вспрынул.
Снова взглянул на прелесть земли, зарыдал и смирился,
Сладкий, мучительный глас шептал ему беспрестанно,
Здесь, в эфирных, далеких пространствах небесного свода,
В сонме бесчисленных звезд, бесчисленных солнц и вселенных,
Ах, и в стелящей степи бездонного, черного царства,
В шумных сборищах падших, — шептал: «Ты их лучше, последний
Ты отступил от добра, последний их буйством увлекся!» —
Но никогда ему внятнее не был сей глас; он поднялся
Бешен, и буен, и дик, — но задумчив и в тихой печали
Вновь на развалины камня воссел серафим злополучный:
«Мне мучений моих не убить! не вырвать упреков
Из раздираемой ими души! Как будто бы змеи,
В сердце мое впились они, — и ах, Всемогущий
Для совершенства меня, для сладкого счастья создал!
Где я? и что? на Кого восставал, возмутитель?
Он для блаженства меня сотворил; для радости вечной
Из светозарного облака в час оживления вынул! —
Горе единому мне за утрату блаженства! Напрасно
Их слепота говорит: зачем Ему было создать нас?
Некогда с жаждою пил и я бытие молодое, —
Но и ныне, в ужаснейшей доле, бессмертного трепет
Холодно, страшно берет и колеблет при мысли: Ничтожность!
Так, я свободно восстал на Него, на виновника блага!
Некогда я восхищенный внимал миров песнопенью;
С солнца на солнце летал, в океан миров погружался,

Видел повсюду Творца, везде совершенство и счастье.
Ныне один из рабов Сатаны, и был ему равный!
Гневом небесным дышу и должен их замыслы слушать —
Падших, забывших давно и сан свой, и прежнюю светлость!»

Между 1818 и 1820

Пятая заповедь

Тот Дух, Который к Моисею
В горящей купине сходил,
Дух славы, и огня, и сил, —
Объял меня: Им пламенею!
Закон Его поведать рвусь;
А вы смиритесь, человеки!
Да смолкнут ваши мне упреки:
Над вами я не возношусь!

Так! давит бремя преступлений
Всех более мою главу:
Я на себя же суд зову;
Но не спасусь от вдохновений!
Благоухающий ливан
Пребудет чист и в ломкой чаше;
Окуйте же вниманье ваше;
Я весь восторгом обаян.

В моих руках трепещут струны;
Блестит огонь в моих очах,
И веет буря в волосах,
И с уст моих падут перуны...
Летит: туман его покров;
Послы ему предъидут громы;
На крыльях ангелов несомый,
Вещает к смертным Саваоф:

«Да будет вами чтим родитель,
И мать да будет почтена!
Тогда земля, всех благ полна,
Вам долголетняя обитель.
Благословляющий отец
Сынам и дочерям зиждет дома;
Но клятвой матери зовомый,
Их рушит гибельный конец!»

Кто буйным, яростным теченьем
Родимых отравит сердца,
Тот будет взят с земли лица,
Младой и скорбный, жадным тленьем;

А в кратком жизненном пути
Ему сопутствует несчастье,
Зовет и грозы и ненастье,
И кормит грусть в его груди.

Но кто, нечестьем диким шумный,
Слезой предвиденной кропит
Морщины их святых ланит, —
Проклят, проклят злодей безумный!
Ему на кару возрастут,
Как он свирепы, злые чада:
Он их проводит к дверям ада:
Не прежде сгинет, как умрут.

Для слабых смертных лик родимых
Есть Божий благодатный лик:
Их драгоценен каждый миг, —
Не возвратит невозвратимых!
Из тьмы могильной не воззвать
Тяжелым дерном покровенных
Детей виною убиенных,
Разгневанных отца и мать!

Сам Бог детей покорных любит,
Блюдет их, пестует, хранит:
Над их главой Господень щит;
Их мир коварный не погубит.
Кого отец благословил,
Благословят того и братья;
А мать превысит и проклятья
Мольбами пред Владыкой сил.

Да будет вами чтим родитель,
Да будет мать почтена!
Не ею ли вам жизнь дана?
Не он ли чад своих хранитель?
Их драгоценен каждый миг:
Не возвратит невозвратимых;
Для слабых смертных лик родимых
Есть Божий благодатный лик.

Между 1821 и 1823

Упование

Пусть земля не поймет твоей возвышенной жизни,
Гонит тебя, грозит мраком забвенья тебе:
Не уставая, вперед! Не тужи! — есть Вечный свидетель
Чистым, безвестным делам, мыслям и чувствам святым!

Март 1823

Утренняя молитва

Отец хранитель, Боже мой!
Под сенью Твоего покрова
Я сладостный вкушал покой,
И вот открыл я вежды снова.

Ты создал свет златого дня,
Ты создал мрак отрадной ночи;
И день, и ночь блюдут меня
Твои недремлющие очи.

Благий, воздать могу ли я
Твоей любви неизреченной?
Не примет жертвы длань Твоя,
Ты требуешь души смиренной,

Души, боящейся грехов,
И чистой, и прямой, и верной,
И любящей Твоих сынов
Любовию нелицемерной.

О милосердый мой Отец!
Я от Тебя ли что сокрою?
Ты проникаешь тьму сердец,
Их дно раскрыто пред Тобою.

Я падал, падаю стократ,
Но, в милостях неисто щимый,
Ты зришь, я скорбию объят,
Терзаюсь, грехом тягчимый.

Без помощи Твоей что я?
Ты ведаешь мое бессилье.
Но где бессильна мощь моя,
Там мощно сил Твоих обилье.

О Боже! дух мой обнови
И сердце мне создай иное!
Надежды, веры и любви
Да светит солнце мне святое!

Ты склонишься к мольбе моей:
Христовой кровью омовенный,
И я в числе Твоих детей
Небес наследник нареченный.

Сей день, мне посланный Тобой,
Да будет мне к Тебе ступенью,

Да будет на стезе земной
Мне шагом к вечному спасенью.

4 января 1832

Вечерняя молитва

Погаснул день; склонился мир к покою:
Открыли небеса
В бесчисленных светилах надо мною
Господни чудеса.

С обзора солнце свел и в твердь ночную
Выводит Бог луну;
И шум и суету прервать земную
Повелевает сну.

Он предписал успокоенью время
И срок дневным трудам;
Сложу ж и я с рамен усталых бремя
И членам отдых дам.

Но на отрадном не проструся ложе,
Доколе пред Тобой
Не взыдет глас моих хвалений, Боже,
Господь и Пестун мой!

Вот с верою воззвал я: и моленью
Ты внял, Владыко сил!
И под Твоею благодатной сенью
Я день сей совершил.

Как верный пастырь охраняет паству,
Так охраняешь нас,
Душе и телу Ты готовишь яству,
Ты с нами каждый час.

Ты делу наших рук успех даруешь,
Ты, преклонясь к слезам,
И наш недуг, и нашу скорбь врачуешь
И шлешь отраду нам.

Твои благодеянья кто исчислит?
Их взвесить кто возмог?
Тебе воздать никто да не помыслит,
Благий без меры Бог!

Внемли моим вздыханиям сердечным,
Мольбам моей души;
Всех большую к щедротам бесконечным,
Творец мой, приложи:

Омой купелию Христовой Крови
Меня от всех грехов!
Не отлучи к Тебе, Отец, любви,
Будь вождь мой и покров.

А все мои заботы и печали
Возвергну на Тебя!
Мне в благо их Твои же руки дали...
Что ж мучить мне себя?

Поток отрадный веры и надежды
Ты в перси мне излей.
И я без трепета закрою вежды
До утренних лучей.

Не только же моей, но будь защитой
Всех драгоценных мне.
Пусть Твой народ, рукой Твоей прикрытый,
Почует в тишине.

Когда же блеску солнца ранний петел
Провозгласит привет,
Да вспрянет дух мой радостен и светел,
И бодр, и в мощь одет!

Да будешь первой мыслию моею!
Тогда, отвергнув страх,
Воздвигнусь и с Тобой, мой Бог, успею
Во всех своих трудах.

8 января 1832

Отче наш

Отец наш, Ты, Который в небесах,
Который исполняешь все Собою
И правишь всем, везде, во всех веках
Премудрой, всемогущею рукою!

Вселенную призвал Ты в бытие.
Во всей вселенной с трепетом приятно
Да будет имя дивное Твое
И всем странам, и всем народам свято.

Нет Твоему владычеству конца:
Ты ж души взял в престол Своей державы -
Да будут храмом своего Творца,
Да преисполнятся Господней славы!

И как на небе выше всех миров
Творят Твою Божественную волю,
Как в послушанье светлый сонм духов
Благословенную находит долю, —

Так на земле, Всевышний, да творим
Без ропота, без вздоха и медленья
Отцом же данные сынам Своим
Твои святые, кроткие веленья!

Наш хлеб насущный в день сей нам пошли,
Даянье благодной Твоей щедроты,
О том же, что скрывается вдали,
Отбросим безотрадные заботы!

Оставь, о Боже, наши долги нам!..
Увы! когда присудишь воздаянье
По нашим помышленьям и делам,
Какое нас очистит оправданье?

Но мы дотолѣ тьме обречены,
Дотолѣ не для нас Твоя пощада,
Доколе, злобы яростной полны,
Питаем в сердце лютей пламень ада.

Так укрепи же нас, и сил и благ
Даруй, да победим желанье мести,
Да будет нами наш должник, наш враг
Прощен без лицемерия и лести.

Во тьме стезею скользкою идем —
Спаси от искушенья нас, Хранитель!
И будь светилом нашим и вождем
Из дому тлена в вечную обитель.

И от лукавого избави нас,
И от всего строптивного и злого,
И да почием каждый день и час
Под сенью Твоего щита святого.

О Боже! Ты единый нам покров!
Ты царь вовеки, власть Твоя и сила,
Твоя же слава до конца веков
И от начала их не заходила!

13 января 1832

Покаяние

Где образы найду, где обрету вещанья
Да изреку смертельный, страшный хлад
Души, лишенной упованья,
Растерзанной, но чуждой покаянья?
Ах, на нее дохнул губитель жизни — ад.
Движенья нет в ней, нет в ней силы.
Мертвец подобен ей, который в мрак могилы,
В слепое лоно тьмы бездонной положен
И небом и землей [и ближними] забвен.
Не черви ли снедают жертву тленья,
А труп оцепенелый разрушенья
Познать не может, язв не слышит он,
И в запертых устах умолк навеки стон.
Животворящий Дух! без крыл и без огня
Моих молитв несвязный, слабый лепет, —
Ты на меня нашли Свой благодатный трепет,
Ты сокруши, Ты умили меня...
Не сердце ль и мое тяжелый, хладный камень?
Ну, Дух Святой! Ты скорбь и пламень,
Ты жажду Бога моего
И покаяние вдохни в него!
Тогда, подобно оной грешной
Прощенной Господом жене,
У ног Спасителя Ты дашь рыдать и мне!
Меня покинет ли в печали безутешной
Он, верный пастырь мой, Господь мой и мой Бог?
Нет! не пущу Его благословенных ног,
Их стану омыwać слезами,
Их стану отирать главы моей власами,
Доколе, взяв меня за длань,
Не возвестит мне моего спасенья,
Не скажет мне: «Восстань!
Не я ли искупил твои все преступленья?».

19 января 1832

Спасение

Как пар тлетворного зловонья,
Как нечестивый фимиам,
Исчадьё лжи и беззаконья
Из капищ к суетным богам,
Так, требуя суда и мщенья,
Вздымались к [гневным] [грозным] небесам
Мои вины и преступленья
И выли над моей главой
Громовой, страшною трубой.

А я? я в слепоте ужасной,
Что казнь близка мне, не постиг.
Я не слышал грозы стогласной,
Над бездною скользил — и миг —
И поглощен я был бы ею!
Но Милосердый зрел и рек:
«Не к гибели рукой Моею,
А к жизни создан человек».
И се Его посол потек.

Господь велел: «Гряди, страданье,
И дух заснувший пробуди
В печаль, и в страх, и в покаянье
В сей леденеющей груди!».
Увы, нашло — а я не чаял,
Как буря, как девятый вал,

.....
.....
.....

[«В грозе меня ли] не заступит
[Мой ближний:] друг мой и мой брат?

Из рук жестоких не искупит? «
Я ждал, но брат и друг молчат.
И ближний на мои мученья,
Лишенный мужества и сил,
Бросает взор из отдаленья.
Моей надежды посох гнил.
Всесильный щит мой сокрушил.

Тогда из беспредельной ночи,
Из неисходной бездны я
Воздвиг на небо глас и очи:
«Господь не помощь ли моя?».
Но Он покров единых правых,
Святейший и чистейший дух,
Он от моления лукавых
Тех, в коих огонь любви потух,
Во гневе отвращает слух.

Объемлет сердце ужас хладный,
Я пасть под бременем готов,
Когда взираю, безотрадный,
На страшный сонм моих грехов.
Ношуся по пучине горя,
Недуга и боязни полн,
Как средь неистового моря,
Игралище и бурь и волн,
Без кормчего разбитый челн.

Но луч разрезал тьму, и что же
Устами Сына Твоего,
Что Ты отвечал, мой Боже,
На вопли сердца моего:
«Не посеку секирой гнева
И пламени не вдруг предам
Бесплодного, сухого древа,
Но попекись о нем Я Сам
И приложу труды к трудам.

И подожду – придет лето,
В золотые, сочные плоды,
Быть может, будет же одето
И наградит Мои труды!».
О радость! слышу весть благую,
Живительный, отрадный глас:
«Безгрешный Кровь Свою святую,
Погибшие! пролил за вас, –
Мужайся! и тебя Он спас!».

Он весь исполненный любви
Не сломит трости сокрушенной.
Его в печалях призови,
Его – душою умиленной.
Он так речет: «Ко мне придите,
Не жизнь ли под Моим крестом?
Вкусите мир в Моей защите,
Свернитесь под Моим крылом
Все отягченные трудом.

Смиритесь все и успокойтесь:
Не дам тяжелых вам бремен.
Нет, ига Моего не бойтесь,
Я сердцем кроток и смирен».
Возьму Твой крест я – в нем спасенье.
В Твой след пойду, Владыко мой,
И бодро испию целенье
Из чаши горькой, но благой,
Из чаши, данной мне Тобой.

С небес недремными очами,
Мой пастырь, Ты меня следил.
Ты благотворными грозами
Согрел мне сердце, Боже сил.
Гордыню буйную унижил,
И душу скорбную мою
К Себе призвал, к Себе приблизил,
Да низойду [под сень] Твою.

.....

Да принесу Тебе хваленье

За все, что благостной рукой
Ты мне в искус и в очищенье
Послал, Хранитель верный мой.
Благословлю Твое даянье,
Спасительный священный страх,
Прославлю горесть и страданье.
Ты в скорбных слышишься сердцах,
И я Тебя познал в слезах!

1 февраля 1832

Утешение

На стезе в тот край небесный,
Где сияет вечный свет,
В тлен и прах, в покров телесный
Мой бессмертный дух одет;
Но мгновенная обитель
Мне гостиница сия,
Не всегдашний мира житель,
Нет, пришелец в мире я.
Над звездами край покоя,
Сень от хлада, бурь и зноя,
Странствию, трудам конец,
Там Твой дом, о мой Отец!

Там терпенья посох брошу,
Там сложу забот суму,
Мук и страха скину ношу,
Боже мой, в Твоем дому.
Здесь и скорбь, и наслажденье
Чуть мелькнет и пропадет.
Миг один мое течение,
Путь мой молнии полет.
Луч, который в мраке ночи
Поразит незапно очи,
Но едва воздвигнешь взор,
Снова темен весь обзор.

Как прельщаться мне ничтожной
Быстротечной суетой?
Радость, горе — призрак ложной -
Возмутят ли мой покой?
Рая гражданин, ужели
Прилеплюсь душой к земле?
Вижу свет блестящей цели,
Медлить стану ли во мгле?
Пред Всеведцем что сокрою?
Тьма не день ли пред Тобою?
С лучезарной высоты
Бездну сердца видишь Ты.

[Жаждой грешной и] безумной
[Благ мирских я] распален.
[Слух мой ловит зов их] шумной,
Плотью дух мой подавлен;
Обладает мною время,
Грудь не вечностью полна;
Не без ропота под бремя
Преклоняю рамена.
Ты послал мне испытанья,
Ах, несу не без стенанья,
Не без слез, Владыко мой,
Крест, наложенный Тобой.

Слабых щит, Податель силы,
Силу мне Твою пошли,
Смелый взор за мрак могилы
Да воздвигну от земли.
Разреши меня от плена,
От оков слепых страстей;
Дух даруй мне выше тлена,
Выше всех мирских сетей.
Под рукой святой Твоею
Для отчизны да созрею!
[В дом родимый Кровь Христа
Отворила ж мне врата]
Да вещаю в смертный час:
Бог для неба создал нас.

Средь рассадника Господня
Для Эдема спеем мы;
Мы взошли не для сегодня,
Не для близкой, вечной тьмы;
Не на миг, не на страданья
«Будьте!» — нам вещал Творец;
Нет! земные испытанья —
Баня душ, купель сердец.
Злато мы в огне горнила,
Не поглотит нас могила;
Там, пред Господом своим,
Чистым блеском возблестим.

Там, за рубежами мира,
За сияньем всех светил,
Там, куда из волн эфира
Мой Спаситель воспарил:

Он мой вождь и предводитель,
Он у Своего Отца
Уготовит мне обитель,
«Где нет радостям конца. !
В час, когда закрою вежды,
На Него взложу надежды:

Он Свою святую Кровь
Дал за нас — Он весь Любовь.

20 февраля 1832

Воскресение Христово

Повсюду мрак, повсюду тишина,
Земля молчит, предчувствия полна;
Молчат и воины, стоящие у гроба,
Где Тот почил, Кто весь любовь,
Тот, Чью божественную Кровь
Безумная пролила злоба!

Повсюду мрак, повсюду тишина...
Но что? на мрак не первая ль волна
Живительных лучей златого моря света
Нахлынула? Редееет тень,
Бороться начал с ночью день,
И се уж твердь в багрец одета.

И вдруг взбежало солнце на обзор —
И вдруг содроглись дол и сердце гор,
И глас послышался, как глас трубы победной.
И ангел с радостных небес
Слетел и отвалил утес,
И страж объемлет ужас бледный.

Погнал от гроба их крылатый страх;
Они без чувства падают во прах.
А Он, поруганный, растерзанный, закланный,
Приявший срам и смерть за нас,
Он Бог наш, наш Господь и Спас,
Воздвигся, славой осиянный!

Наполни грудь мою» святым восторг!
Христос воскрес! Христос, мой вождь, расторг
Вериги вечной тьмы, подъемлясь из могилы.
Христос сразил и смерть, и ад,
Нам имя дал Господних чад,
Сорвал с нас узы темной силы.

И за меня (увы мне!), за мой грех,
Он был врагам неистовым в посмех,
И за меня приял бесчестие и муки.
За бремя и моей вины
Железом были пронзены
Христовы ребра, ноги, руки!

И для меня (о радость!) возбудил
И в жизнь Его извел Владыка сил.

О радость! Кровию и я омыт Христовой.
Я, узник тлена и грехов,
Изыду я из их оков,
И я воскресну к жизни новой!

Склонитесь, колена! слез ручей
Теки, пролейся из,моих очей!
Ты, сердце, полно будь немого умиленья!
Душа, трепеща, воззови
К Непостижимому в любви,
К Нему воздвигни глас хваленья!

Вся жизнь моя да будет песнь Ему!
Клянусь, Вождю, Владыке моему
Отныне посвящу я каждое дыханье!
Его я и в врагах моих
Люблю отныне: и за них
Господь же мой вкусил страданье.

12 апреля 1832

Вера

Веру дай мне, мой Спаситель!
Дай мне сердца простоту!
Ты мне будь путеводитель.
Ах, познал я слепоту
Тщетных, гордых мудрований,
Лживых, полных претыканий:
Тишины и счастья мне
Не возмогут дать оне.

Что сокрыто от надменных,
От слепых вождей слепцов,
То увидит взор смиренных,
С тайн для них спадет покров.
Где младенцев чистых очи
Бога зрят, там ужас ночи,
Страх, сомнения и тьма
Для строптивого ума.

Ты зовешь: я прибегаю
К Твоему кресту, к Тебе;
Я к Тебе в слезах взываю —
Ты внимли моей мольбе:
Сердца моего обманы
Обложили, как туманы,
Солнце истины святой —
Их рассеи, о Боже мой!

Без Тебя я, слабый, хладный,
В грешной ли своей груди
Свет могу обрести отрадный,
Свет надежды на пути
Из страны несовершенства
В область вечного блаженства?
Ты — вождя иного нет —
Ты мой вождь, и щит, и свет.

1 мая 1832

В День рождения

Вот день, в который для надежды,
Желаний, страха и скорбей,
Для чувств и дум открыл я вежды,
Для испытании жизни сей;
Вот день, в который я впервые
Отверз уста свои немые...
Ах! свету плач был мой привет
В тот день, когда узрел я свет!

И много, много мне печали
Наставшие часы и дни,
Страданья много даровали, —
И темны впереди они!
Но Бог Отец чадолюбивый:
Мне день, и не один, счастливый
Был послан им: благословен
Да будет Он, Господь времен!

Приял я от Него благое,
И злого я ли не приму?
Мое желание слепое
Что может предписать Ему?
Он знает пору: ведро, грозы,
Веселье, горе, смех и слезы
Его святой и дивный рок
Дает вселенной в должный срок.

Сгоняют вар и мглу с лазури
И возрождают вновь эфир
Всевышним посланные бури;
От них юнеет дряхлый мир;
И как они моря и сушу,
Так точно бури жизни душу
Подъемлют с гибельного сна, —
И обновляется она.

Мой путь не путь ли к совершенству?
Итак, вперед с сего же дня

Без страха к вечному блаженству!
Вперед: мой Бог ведет меня!
Ведет из края искушенья
В священный край успокоенья,
Туда, в страну Своих духов,
Где буду чист и без грехов.

10 июня 1832

В конце недели

Летят — возврата нет часам,
Назначенным от Бога нам!
За ночью день, за мраком свет —
И вот уже недели нет!

О Верный! Благостный! хвала
За все любви Твоей дела,
Хвала за тьму щедрот Твоих!
Когда ж и где не видим их?

Свободны ли мы от вины —
Кем были мы укреплены?
Тобою победили грех!
Ты дал нам силу и успех.

И кто ж пред Богом чист и прав?
Увы, грешим, и не узнав.
Ходатай наш Христова Кровь —
Помилуй, вечная Любовь.

Несемся по потоку дней
Все ближе к вечности Твоей:
Тобой сочтен наш каждый час,
Последний [же] Ты скрыл от нас.

Даруй же силу, Царь веков,
Да не страшит нас зев гробов,
И на суду нас оправдай,
И смертью нас веди в Свой рай.

Тогда, окончив путь земной,
Твоей отеческой рукой
В Твой горний дом на небо мы
Возьмемся из жилища тьмы.

Там сумрака, там ночи нет,
Там блещет неизменный свет:
О Солнце правды! нам Твой луч
Да светит средь житейских туч.

25 июня 1832

Сестре Ю. К. Глинке

Мешается с печалью радость
В груди твоей,
Когда глядишь на младость
Своих цветущих дочерей.
Ты говоришь: «Как сердце восхищают!
Как душу тешат мне!
Но ах! поблекнут и оне,
Увянут так, как розы увядают!» —
Сколь мне понятна скорбь твоя!
На цвет прекрасный, но мгновенный,
С рожденья самого на гибель обреченный,
Не без участия ж смотрю и я...
А ты — ты мать! — Но младость есть иная:
Ее источник — дух, отчизна — небеса;
Но есть бессмертная краса:
В сравненьи с нею что земная?
Чудесною, нетленною красой
Равно цветут, когда в них чистота святая,
И девы юные и старцы с сединой;
И цвет божественный из вертоградов рая
Нет, не увянет в дочерях твоих:
Благоухание на небо воссылая,
Он с небом на земле связует их.
Всегда прекрасны, вечно юны,
Подруги ангелов, они взлетят туда,
Где серафимов радостные струны
Не умолкают никогда,
Где гром молчит, где не разят перуны,
Куда стремлюсь с сердечной жаждой я,
Где возродится младость и моя.

15 июля 1832

Переложение Псалма 102

Благослови, благослови,
Душа моя, Отца любви!
Все, что во мне живет и дышит,
Да хвалит Бога моего,
И славу имени Его
Вселенна да услышит!

Огонь священный, влейся в грудь!
Душа моя, не позабудь
Несметных Божиих даяний:
С тебя смывает всякий грех
Господь, податель всех утех,
Целитель всех страданий.

Он Бог твой: не погаснешь ты
И средь могильной темноты!
Щедротами тебя венчая,
Он все твои желанья зрит;
Во благо, верь, их совершит
Его рука святая.

И как возносится орел,
Который в небо путь обрел
И пьет из солнца жизнь и радость,
И ты так в небо воспаришь
И силой Бога обновишь
Неблекнущую младость!

Сколь милостив Господь мой Бог!
Когда и кто постичь возмог,
Сколь благ и дивен Вседержитель?
Бездонный океан щедрот,
Бессильных, горестных, сирот,
Гонимых Он хранитель,

Сколь милостив Господь мой Бог:
Господней благости залог
Закон, ниспосланный любовью,
Закон, святой источник сил,
Который Божий Сын скрепил
Своей чистейшей Кровью.

Благий снисходит долго нам:
Нам воздаст не по грехам,
Не по вине нас наказует;
Не держит гнева до конца:
Да взыщешь Божия лица —
И Бог уж не враждует!

Нет меры и предела нет
Эфиру, коим мир одет:
Так милосердию нет меры,
Которым всюду, всякий час
Всевышний окружает нас —
К Нему ли быть без веры?

Надежду на Него взложи!
Отстань от суеты и лжи,
От беззаконья и порока —
И скорби, что тебя тягчат,
Им удалятся, как закат
Отдвинут от востока!

Как любящий детей Отец,
Так смертных милует Творец;

Он знает нас, Он помнит, кто мы:
Не пепел ли, не прах ли мы?
Не все ли в ночь могильной тьмы
С рождения влекомы?

Траве подобится наш век,
Как цвет, так вянет человек:
Сегодня жив — завтра в гробе!
Исчезли все его труды;
Он был ли? нет уже нужды
Ни дружеству, ни злобе!

Но будь утешен, сын могил!
Бессмертна благодать Бога сил,
Любовь Его живет вовеки:
Закон Благого соблюди —
И обретешь в своей груди
Отрад чистейших реки!

Господни милость и покров
Пребудут на сынах сынов
Тех, коим свята власть Господня:
Не небеса ль Его престол
И не Ему ль подвластны дол,
И твердь, и преисподня?

Создатель Он и Царь всего:
Хвалите Бога своего, Того,
Кому вы предстоите,
Могущий сонм Его рабов!
Полки Его святых послов
Творца благословите.

Вы гласу внемлете Его:
Да славословите Того,
Чьи совершаете веленья!
Вы тьмы и тьмы духов и сил,
Вы рати солнцев и светил,
Вы рук Его творенья!

Миры и звезды песнь Ему,
Псалмом Владыке твоему
Да будешь ты, Его держава!
Благослови, благослови,
Душа моя, Отца любви,
Ему хвала и слава!

27 июля 1832

Возврат вдохновения

Не до конца меня покинул ты...
Увы! я унывал, я таял.
«Сокрылися, исчезли, — так я чаял, —
Живившие меня мечты;
Огонь небесный вдохновенья
Потух, потух в моей груди,
Уж светлый ангел песнопенья
По радужному не слетит пути,
Болезней сердца исцелитель,
В мою печальную обитель».
И я душою пал и к жизни охладел.
И ждал и думал: «Скоро ли предел
Моих увядших дней?» Но Милосердный, Вечный!
Услышал Ты мой стон сердечный;
Ты ведаешь: еще я слаб;
Еще земных страстей, мирских желаний раб;
Твоя, Всевышний, благодать
Еще не блещет надо мною...
Божественную звать, искать,
О ней в слезах молиться не устану;
А ныне... не Израилю ли манну,
Отец, Создатель, Боже мой,
Так точно Ты послал в безжизненной пустыне,
Как был Тобой мне послан ныне
Мой утешитель временной?
Он пестун мой, он с самой колыбели
Меня в объятия приял:
Уста младенца приучал к свирели,
Растил меня, не покидал
Нигде питомца: обитал со мною
Над зеркальной широкою Невою;
Со мною странствовал среди Кавказских скал;
Являлся мне с улыбкою и думой
На высоте суровой и угрюмой
Надоблачных, покрытых льдами гор;
Сияньем сладостной лазури
Живил и упоял в Гесперии мой взор;
На севере ж вещал мне в воплях бури
И в жалобе взволнованных лесов...
Он мне не изменил единый
Ни под ударами неистовых врагов,
Ни под тяжелым бременем кручины...
И что же? Наконец и он
Исчез, казалось, как ничтожный сон;
Казалось, он махнул воздушными крылами,
Взвился, исчез за облаками,
Меня покинул и — навек!
Я застонал, мне душу мрак облек...
Ах! кто такие испытал утраты,

Какие суждено мне было испытать,
Чьи лучшие надежды все пожаты,
Тот может ли не трепетать,
Когда последнее в страданиях утешенье
С ним расстается навсегда?
Но маловерье – слепота:
Ты, Дивный в чудесах! принял мое моление;
Ты щедр и благостен, Ты весь любовь;
Ты рек – и возвратится вновь
В мою расцветшую обитель
Болезней сердца исцелитель.
Нет! не потух в моей груди
Огонь небесный вдохновенья:
Опять, опять по светлому пути
Ко мне слетает ангел песнопенья.

11 ноября 1832

Благодать Господня

*Du bists dem Ruhm und Ehrgebuhr
Gallert*

Хвала и слава будь Тебе,
Владыка, Боже мой!
Ты пекся о моей судьбе,
Ты был всегда со мной.

К Тебе взывал ли в страхе я –
Не тщетен был мой зов:
Благий! Премудрый! Длань
Твоя Мой щит и мой покров.

На одр скорбей я пал стенья:
«Спаси!» – так я молил.
Ты спас, Ты исцелил меня:
Хвала, Источник сил!

Врагом бывал ли оскорблен –
Восплачусь пред Тобой:
Ты дашь терпенье; враг прощен,
И в сердце вновь покой.

Блуждаю ли в своем пути,
Призраками прельщен, –
Промолвлю: «Путь мой освети!» -
Гляжу – и освещен.

Скорблю, нигде отрады нет:
«Ах, долго ль?» – вопию.
И утешенье Твой ответ
На жалобу мою.

Ты Бог благий, Ты щедрый Бог,
Отец того, кто сир.
В нужде, в соблазнах мне помог,
Ты шлешь мне мощь и мир.

Хвала! и горе Твой посол:
Сближаюсь ли с Тобой,
В нем слышу Твой живой глагол;
Хвала, Наставник мой!

Земля, и твердь, и поле волн
Твоей любви храм;
Твоих даров не мир ли полн?
Хвала! Ты дал их нам.

Хвала, хвала за Кровь Того,
Кто грешных Кровью спас.
Наш Бог и Сына Своего
Не пожалел для нас.

О сколь Господь нас возлюбил!
Издай же песни, грудь!
Органом славы Богу сил,
Народ Господень, будь!

Он преклоняет слух на стон,
Речет – и стоны нет.
Нас по искусе кратком Он
Восхитит в вечный свет.

Мой дух, на милость уповай,
Которой нет конца;
Сколь благ твой Бог, не забывай
И чти закон Отца!

22 декабря 1832

Племяннику Д. Г. Глинке
*При пересылке притчи
св. Димитрия*

Ты далеко от нас: в стране чужой,
Ты там, где в старину король морской,
Бывало, спустит в пенистые волны
Коней пучины, дерзостные челны,
И отплывет с дружиной удалой
В седую даль на славу и разбой.
Ты там, где голос скальдов вдохновенных

И вещей строй полночных арф гремел,
И юный витязь трепетал, кипел
От пламенных стихов певцов священных
И в дождь бросался кровожадных стрел;
В отчизне ты и песней и отваги,
В земле Одена, Бальдера и Браги;
В земле, которой чудотворный дух
Великого очаровал поэта,
И он склонил к ее преданьям слух
И завещал бессмертию Гамлета.

Но Русь Святую помнишь ты и там;
Ты верен всюду и всегда друзьям.
Нет! праведника мудрое сказанье
Смиренного, чье имя носишь ты,
Не об отечестве напоминанье, —
Один залог любви сии черты!
Прими же притчу! Я обрел отраду,
Души болезням в ней обрел цельбу:
Да будет и тебе она в усладу!
Благословляю Вышнего судьбу:
Стоишь, как пальма в красоте могущей,
Ты тверд и светел в юности цветущей;
Надежды полн, и доблестен, и смел...
Дай Бог тебе безбурных дней удел!
Но не поднять завесы с тьмы грядущей;
Земля юдоль искуса, а не рай:
И ты, мой друг, ненастья ожидай;
Лишь не забудь: и радость и страданье
Одной отеческой руки даянье.

16 февраля 1833

Любовь

Великая сила дана человеку:
Родится на миг, безоружен и слаб,
С рождения бури грозят его веку,
Он горя, болезней и тления раб;
 Но мысль его, искра чудесная,
 Блестит и во мраке земном;
 Душа его гостя небесная:
 Не вечно же прах ему дом.
По телу былинка — и что ж? дерзновенный,
Светила и солнцы кладет на весы
И слышит биение сердца вселенной,
Гармонию звезд, мировые часы.
 Столетия жизни потоками
 Поит вдохновенье певца.
 Пред полными Бога пророками
 Покров упадет с их лица.

Так! Дивна же данная смертному сила,
Но дни его сон: и вождя, и царя,
И мудрого – всех ожидает могила;
Увидела гордого славой заря;
Луна же со свода туманного
Сребрит вертограды земли,
И видит его бездыханного –
Заутра следа не нашли.

Пусть каждая мне покорится стихия,
И каждого племени знаю язык,
И скажут: «Он ангелу равный вития»,
И всех превзойду могою владык;
Пусть будут мне книгой открытою
Дела нерожденного дня;
Но бездной пожрусь несытою,
Но гроб же поглотит меня!

Потребно единое в области света,
Куда, все покинув, душа воспарит:
Где будет она и нага, и раздета,
И явится Богу, и что защитит?

Любовь! – Без любви оживляющей
Я только звенящий кимвал,
Тот звук, что под дланью играющей
Трепещущий бубен издал.

Иной не щадит ни трудов, ни сокровищ
И служит убогому, жертвуя всем,
Бесстрашен и тверд, и летит на чудовищ,
В мучении пламени крепок и нем.

Когда обливается кровию,
Пусть мир перевозносит его;
Но если влеком не любовью,
Пред Господом он – ничего.

Хотя бы и верой владел чудотворной,
И молвил бы, силы божественной полн,
Горе, его грозному зову покорной:

«Повергнися в лоно бездонное волн!» –

Качая главою лесистою,
Пусть ринется в море – но сам,
Объят не любовью чистою,
Творца ли предстанет очам?

Обиды любовь, милосердая, сносит,
Ей чужды и зависть, и гнев, и вражда,
Любовь подает и тому, кто не просит,
Хвалы ей не нужны, она не горда;

Не требует даже и правого,
Не хочет и злобному зла,
Не мыслит во веки лукавого,
Всегда как зеркало светла.

Скорбит о неправде, но в чистую радость
Священная, вечная истина ей;
Грехи покрывает, и горечь за сладость,

Врагов же готова считать за друзей.
Все ею приемлется с верою,
На чем только блага печать:
Наветам же тою же мерою
Любви невозможно воздать.
Как дым или спящего мужа мечтанья,
Как облака легкого быстрый полет,
Так пышность, и сила, и мудрость, и знанья —
Все бренное в день роковой протечет.
Настанет одно совершенное,
Любовь воцарится одна;
Вожатый в жилище блаженное,
Предстатель за грешных — она!
Тебе подобает единому слава,
О Сын Всемогущего, бездна любви,
Ты, Коего вечны и власть и держава,
Распятый за нас! мне внемли: обнови
Любви воскрешающей пламенем
Остывшее сердце во мне!
Да буду не льдом и не камнем,
Да буду Твоим в той стране.

24 марта 1833

Племянницам в день рождения их матери

Вы в Закупе, вы радостные гости
Тех самых рощ, лугов, холмов, полей,
Где расцветало утро ваших дней,
На берегах игривой, светлой Хмости.
За вами шумный, пыльный Петроград;
Вы там, где твердь ясна и блещут воды,
Где ароматом дышат лес и сад;
Вы на пиру, на празднике Природы.
Там солнце ране слышит ваш привет,
И луч его живительней и краше,
И ваших щек свежее нежный цвет,
И бьется веселее сердце ваше.
Но смерклось: по знакомым вы тропам
Бредете в злате лунного мерцанья,
И тихие парят воспоминанья
И сладко шепчут о минувшем вам.
Не там ли встретите в сени родимой
И день, любовью вашу святимый,
Тот день, в который к бытию призвать
Благоволил Всевышний вашу мать?
И что ж являет мне воображенье?
Сдается, вижу вас, — вы предо мной;
Вы молитесь за счастье родной:

Сливаю к вашим и свое моление.
О, в сей священный, в сей небесный час
Сколь пламень ваших душ и чист и ярок!
Но вы подъялись: каждая из вас
Несет любезный матери подарок...
Подарок малый, но он дорог ей:
Он изготовлен вашими руками.
Соединиться в том приносе с вами
Блаженством было бы душе моей;
Но – одинокий встречу я денницу:
Мое богатство – грусть о старине.
Напрасно бы и дева песней мне
Нарвала сладостных цветов кошницу;
Напрасно! – Кто услышит голос мой?
Кого обрадую смиренной данью?
Но посвящу и я воспоминанью,
Но освящу и я сей день мольбой:
Воспоминанью с вами проведенных,
Прекрасных, быстро улетевших дней,
Мольбой за вас, за мать и за детей,
Бесценных мне и вечно незабвенных.

18 июля 1833

Луч из-за облак

Притча с немецкого

Стоял на горе я, на самой вершине,
Очам утомленным покоя искал;
Но море тумана кипело в равнине,
Но вмиг изменялся синеющий вал.

Вдруг ветер – и тьму разодрал, – и светило
Воскресшего дня в глубине подо мной
Одеянный роскошью край озарило,
Чудесный эдем, насажденный весной.

Из персей исторгнулся крик упоенья;
Но ах! набежали тогда же валы,
Пожрали эдем, как мечту сновиденья:
Мрачнее повсюду владычество мглы.

О други! хотя бы однажды, не боле,
Расторг облака ваши радостный луч...
Но луч сей мгновенный посол же оттоле,
Где ваша отчизна над областью туч!

22 июля 1833

Поминки

*Свеаборгская крепость.
29 сентября 1833 года.*

Помянем же родимых,
Ушедших в мир иной,
Возлюбленных, незримых,
Вкушающих покой!
Для них уж нет печали,
Заботы нет для них...
Мы только – мы отстали
От спутников своих.

Ах! с нами не они ли,
Среди надежд и снов,
И радости делили,
И тягости трудов?
Их взор для нас, унылых,
Податель был утех:
Мы все в объятьях милых
Вкушали – плач и смех.

И вот –над их гробами
Стоим мы здесь одни:
Уж нет любезных с нами!
Увы! ушли они!
Что век наш? – сон! мечтанье!
Не всё ли здесь на час?
Что ж вечное желанье
Одно не гаснет в нас?

Найдем ли похищенных?
Их погребли мы прах:
Поищем незабвенных
В надоблачных странах.
Не там ли совершенство?
Не там ли мир и свет?
И царствует блаженство,
И слез и стонов нет?

О, Милосердный, Вечный!
Да совершим с Тобой
Мгновенный, скоротечный,
Но скользкий путь земной!
Да узрим над звездами
Всех тех, которых Ты
Связал любовью с нами
В юдоли темноты!

Не смыла ли их пятна
Спасителя Кровь?
Вовеки необъятна,
Отец, Твоя любовь!
Идем с Твоею силой:
Тяжел житейский путь;
Но с ними за могилой
Ты дашь нам отдохнуть.

Еще мы не в пустыне...
Умолк не всех же глас...
Не все друзья поныне
Опередили нас...
Не огорчим ни словом,
Ни взглядом остальных:
Ты, Боже, будь покровом
И мертвых и живых!

И мы закроем очи
В определенный срок...
Но средь могильной ночи
Зардеется восток:
Нас встретит взор любезный,
Увидим их в лучах,
И уж разлуки слезной
Не будет в небесах.

Тоскуем мы и страждем...
Бессмертия водой,
Водой, которой жаждем,
Создатель, нас напой!
Владыка, Вождь, Хранитель!
Не дай споткнуться нам!
Да внидем в ту обитель!
Да будем чисты там!

1833

Росинка

Притча

Сон побежденный
С выси янтарной
Канул за лес:
Шар лучезарный,
Око вселенной,
Сердце небес,
Всходит и — пало
Тьмы покрывало,
Сумрак исчез.

С синего свода
Токи ли злата
Льются на мир?
С ложа подъята,
Встала Природа,
Села за пир;
Пышет и блещет,
Жизнью трепещет
Легкий эфир.

Сладостный пламень
Горней пучины
Всюду горит:
Холмы, долины,
Море и камень
Мощный живит;
Твердью ли стала
Капля кристалла?
В ней его щит:

В лоне росинки,
Малой, дрожащей
(Дунешь и –нет!),
Чуть тяготящей
Чашу былинки, –
Слава и свет,
Трон исполина,
Зрак властелина
Дней и планет!

С ясной лазури
Солнце вещало:
«Хляби! валы!
Мне ли зеркало
Пленники бури,
Узники мглы?
Дики, свирепы,
Рвите заклепы,
Рушьте скалы!

Капле смиренной
Вас ли, мятежных,
Я предпочту?
С стран безрубежных
К черни надменной,
К вам, в темноту,
В бездну, где грохот,
Скрежет и хохот,
В ад ли сойду? «

Благостный, вечный,
Дивный не в шуме,
Бог не в грозе;
Нет! – в тихой думе,
В глуби сердечной,
В чистой слезе,
В скорби незлобной, –
В деве, подобной
Чистой росе.

16 февраля 1835

И тамо Господь

3 Книга Царств 19:11-12

И был к нему от Господа глагол
И так вещал: «Воздвигнись в день грядущий
И там, в горах, покинув темный дол,
Пред Богом стань, – и пройдет Всемогущий!».

И се! возник в пустыне крепкий дух,
Великий ветер, и гласом завыванья
Наполнил прозорливца грудь и слух
И члены облил мразом содроганья.

И с корнем кедры вырывая вон,
И морем праха тьма лицо лазури,
И скалы раздирая, мчится он;
Но Бог не в нем, Господь не в духе бури.

По вихре трус, и будто океан
Волнуется Иуды край священный,
Шатнулся и колеблется Ливан,
Как муж, вином столетним упоенный.

Но и не в трусе Бог. И глубь земли
Разверзлася, и пламенного тока
Густые волны, хлынув, потекли;
Но Господа не видит взор пророка.

Огонь потух, и замер треск и гром
(Так умолкает звонкий конский топот,
Теряясь постепенно), и потом
Пронесся в мир прохлады тонкий шепот:

И шепот тих, и сладостен, и мал,
И Бога тут узнал предвозвеститель,
Лицо закрыл и Господу предстал
И рек: «Тебе я внемлю, Вседержитель!».

1835

А. А. Мордвинову

Прощай, приятель! не забудь
Отшельника. — В его больную грудь
Живой беседу ты пролил утешенье:
Он говорил с тобой и мог вольней вздохнуть,
И бед и мук своих мгновенное забвенье
В твоих словах и взорах почерпнуть,
Прими же, юноша, его благословенье,
Его молитву в твой житейский путь:
Да спутствуют тебе три девы, дочери Бога,
Надежда, Вера и Любовь;
Приют им в чистом сердце приготовь, —
И не заметишь ты, — трудна ль твоя дорога.

После 1835 г.

Венец

Подражание Гердеру

Нет, богоугодная премудрость,
Цвет души не в гордых, праздных думах,
А в трудах, полезных человеку,
А в самозабвении смиренном.

Много размышляв о серафимах,
Много и глубоко о Фаворе,
Возмечтал отшельник Пиотерий,
Будто славен и велик пред Богом.
И объемлет сон его незапный,
И во сне ему вещает ангел:
«Пиотерий, поспеши в Тавенну;
Там увидишь, на кого Всевышний
Возложил венец небесной славы».
Он восстал и поспешил в Тавенну,
И его игуменья встречает,
Девы-инокини вместе с нею.
Им пустынный молвил: «Здесь же все вы!
Той не нахожу, которой образ
Ангел мне явил в святом виденьи». —
«Нет одной, — игуменья сказала, —
Но безумна, нас почти бесчестит:
Самый низкий труд ей наслажденье,
День и ночь она служить готова
Всем, хотя бы был то жид или язычник,
Имя ей юродивой мы дали;
Нам она едва и отвечает,
Только вечно весела и втрое,

Если кто презренье ей окажет». —
«Призовите!» — говорит отшельник.
Пред него предстать ей повелели.
В ризе грубой, бедной Порфирита,
Покрывала нет, распущен волос,
Лишь опрятность украшенья девы.
Что ж? пред ней склонил колена старец:
Лик ее сиял сияньем дивным,
Тем, которое он зрел в виденьи, —
Чистотой, смиреньем и любовью!
И он рек: «Благослови, святая!
На тебе венец небесной славы».

1830-е гг.

Притчи из Св. Писания

1

Давно лазурь небесная светла;
Хлопочет муравей трудолюбивый,
Сбирает мед прилежная пчела;
А ты, — доколе нежишься, ленивый?
Доколе средь роскошной тишины
Ты ловишь улетающие сны?
Еще ты час поспишь; еще ты час подремлешь:
Потом поднимешься; руками грудь объемлешь,
Садишься... Но зачем же облекла
Незапная, убийственная бледность
Округлость твоего беспечного чела?
Кто эта гостья? — Бедность
К тебе, как добрый путник, притекла.

2

Ленивого подобие — покойник;
Он на одре лежит, как средь берлоги зверь.
«Пойдем же», — скажешь; он:
«Нет, не теперь; Лев при пути, а на пути разбойник».

3

Создала дом, на семи столпах соорудила Премудрость;
Жертвы заклала; вина налила в чаши; сама
Пир уготовила; чадам рекла, рабам повелела:
«В град теките, рабы; чада, сзовите ко мне
Всех лишенных ума; соберите сюда безрассудных
Хлеб со мной преломить, чашу мою разделить!»

Вышли рабы: нечестивый же им поругался, безумец
Руку подъял и жезлом в гневе послов поразил.

Конец 1830-х гг.

Сказка, похожая на быль

Суд окончен; повели преступника на казнь;
За ним валит народ бессмысленный и шумный;
Издали ж увидел муж разумный:
Он ощущает ужас и боязнь,
Вспомнил силу искушенья,
Предался думам о земной судьбе,
Вообразил всю власть несчастного мгновенья.
Вздыхнул, — и к Господу воздвиг моленья
О погибающем и о самом себе.
Вот подошел к нему сосед беспечный
И говорит: «О чем тоскуешь, друг сердечный?» —
«Ты видел ли?» — тот отвечал стенья.
«Злодея? что же? вот причина!
Меня бы, брат, взяла кручина,
Когда бы вешали меня».

Конец 1830-х — начало 1840-х гг.

* * *

Да! ровно через год мы свиделись с тобою,
Но, друг и брат, тогда под твой приветный кров
Вступил я полн надежд, и весел и здоров —
Теперь, измученный и телом и душой,
Беспомощным, больным, трепещущим слепцом
Поник я под своим страдальческим венцом
И смерти говорил: приди же, избавитель!
Вот я вошел в твою смиренную обитель.
И ожил вдруг душой; и вера и любовь
Вновь встретили меня: уж не бунтует кровь,
И сердце улеглось, и тешусь я мечтою,
И с Богом я мирюсь, и с миром, и с собою!

5 марта 1846

14 марта 1846 года

Мир праху твоему! Старик больной и хилый,
Я плачу над твоей безвременной могилой.
Бедняжка, ты под дерн надгробного креста,
Под землю спряталась от злобы и гоненья;

Ты ныне под рукой спасителя Христа.
Он Бог любви, он Бог прощенья,
И пред Его лицом бессильна клевета.

14 марта 1846, Тобольск

* * *

Вот, слава Богу, я опять спокоен:
Покинула меня тяжелая хандра;
Я снова стал доступен для добра,
И верить и любить я снова стал достоин.
Охотно руку протяну врагу,
Скажу охотно: будем жить друзьями,
Мой добрый Б(асаргин), и с вами я могу
Теперь беседовать стихами...
Как ангел Божий, милый друг,
Вы предо мной явились вдруг
С радушным, искренним участием;
Был истомлен житейским я ненастьем:
Опальный и больной слепец,
Обманутый людьми, растерзанный страданьем.
Но вот опять согрет я тихим упованьем, —
И этим одолжен вам труженик-певец!
О, да услышит Бог мои молитвы,
Пусть будут вам не трудны битвы
С коварным миром и с самим собой;
Пусть сохраните вы средь бурь души покой;
Не разлучайтесь с Любовью животворной,
С святою Верою, с Надеждой неземной, —
И да не встретитесь с любовью притворной,
Ни с суетной надеждою-мечтой,
Ни с верой мертвою, надменной и холодной,
Подобной той смоковнице бесплодной,
Которую сухую проклял Спас...
Их трудно отличить подчас
От дивных дочерей Софии... Искупитель
И тут единственный наш Друг-руководитель,
И Он вещает ясно нам: «Познайте их по их делам».

13 апреля 1846, Тобольск

* * *

Счастливицы вольные птицы:
Не знают они ни темницы,
Ни ссылки, ни злой слепоты.
Зачем же родился не птицею ты?

Да! ласточкой, легкой касаткой!
Глядел бы на мир не украдкой,
Весь видел бы вдруг с высоты.
Зачем же родился не птицею ты?

Счастливицы вольные птицы:
Купаются в море денницы,
Им прах незнаком суеты.
Зачем же родился не птицею ты?

Нет Божией птичке работы,
Ни страха, ни слез, ни заботы,
Не слышит она клеветы!
Зачем же родился не птицею ты?

С утра и до вечера Бога
Ты славил бы в выси чертога
Чудесной святой красоты.
Зачем же родился не птицею ты?

Ты пел бы с утра до зарницы
Созданье премудрой десницы,
И звезды, и луг, и цветы,
Зачем же родился не птицею ты?

Ты грязь ненавидишь земную,
Ты просишься в твердь голубую,
Ты рвешься из уз темноты,
Верь: некогда птицею будешь и ты!

Прильнут к раменам тебе крылья,
Взлетишь к небесам без усилья,
И твой Искупитель и Бог
Возьмет тебя в райский нетленный чертог!

29 апреля 1846

Блаженство

Из Геллерта

По кратком сроке испытанья
Безсмертье ожидает нас:
Тогда поглотит все стенанья
Исполненный восторга глас;
Мы здесь обречены трудам —
Там наше воздаянье — там!

Там!.. Уж и здесь часы блаженства
Даются чистому душой;
Но на земле нет совершенства,
Не прочен и сердец покой:

Был человеком человек —
И человеком будет век.

То мир с своими суетами,
То враг, который в нас самих
И редко побеждаем нами,
То преткновенье от других,
То немощь, то соблазн утех
Ввергают нас в печаль и грех.

Здесь часто добродетель страждет,
Порок во славу облечен;
Сгубить счастливец злоба жаждет,
А кто несчастлив — тот забвен:
Здесь смертный не бывает чужд
Ни слез, ни слабостей, ни нужд.

Здесь лишь ищу, но там найду я:
Я весь преобразуюсь там:
Там узрю Бога, торжествуя,
Предамся песням и хвалам!
Из века в век и без конца,
Прославлю там любви Отца!

Моей Его святую волю,
Моим блаженством буду звать,
И в неотъемлемую долю,
Он даст мне свет и благодать;
С ступени взыду на ступень,
Незаходимый встречу день...

И мне тот день откроет ясно
Все то, что темно на земле:
Премудро, светло и прекрасно
Там явится, что здесь во мгле;
С благоговеньем преклоняясь,
Судеб постигну цель и связь.

К престолу Господа проникну —
Туда, где Он не покровен.
«Свят, свят Господь мой! свят!» — воскликну,
Его сияньем озарен...
И рать духов тогда со мной
Все небо огласит хвалой.

Средь ангелов — им равен буду,
И буду чист, подобно им,
И грех и скорбь земли забуду,
И приобщусь, благой, к благим:
Возрадуюсь их части я,
И будет часть их — часть моя.

О, радость паче слов и меры!
Там и того увижу вновь,
Кто подал мне светильник веры,
Платил любовью за любовь —
И, прежде чем с земли исчез,
Мне указал страну небес.

О, если б, встретившись со мною,
И мне промолвил кто в раю:
«Мой брат, не я ль спасен тобою?
Ты жизнь, ты душу спас мою!»
Невыразимо тот блажен,
Кем погибавший брат спасен!

За мной мгновенной жизни горе:
Как дым, исчезнет в оный день,
Как капля в безпредельном море,
Как от лучей ночная тень,
Как сотворенный сном призрак,
Когда пред солнцем тает мрак.

Терпение

Все кругом темно и душно.
Твердь заволокло грозой...
Сердце, Богу будь послушно!
Он твой Бог, хранитель твой!
Стрелы грома Он притупит,
Солнце возведет на твердь:
Стихнет буря, мир наступит,
Изнемогут страх и смерть.

Ты предал ли пепел милый
Друга, света дней твоих,
Хладной тьме немой могилы:
Будь безропотен и тих!
Сеятель посеял семя,
Семя взойдет для жнеца:
Вам разлука лишь на время;
В доме свидетесь Отца!

Возросли ли труд и нужды,
Истомил ли зной тебя:
Богу скорбные не чужды;
Богу сирых вверх себя!
Он и самая страданья
Посылает в благо нам;
Знает меру испытанья,
Внемлет вздохам и слезам.

На твою благую славу
Клеветали, черный змей
Льет смертельную отраву —
Брось унынье, не робей,
Спасу следуй без боязни;
Не щадила ж и Христа
Злоба буйной неприязни!
Посрамится клевета!

«Пусть бы враг... но мой гонитель
Другом был души моей:
Хлеба, дум моих делитель,
Сын мой, брат мой — мне злодей!»
Тяжко — так! но все ж слепому,
Все ж безумному прости:
С верой воззови к Благому,
Шествуй по Его пути.

Кто, недугом пораженный,
Не поднимется с одра,
Да не ропщет, дерзновенный!
Будь душа его бодра:
Благ и свят Непостижимый,
Свят и благ Его закон:
В чадах Бога сын любимый
Тот, кого накажет Он.

Узник горестный — терпенье!
Мрак и ужас пред тобой:
Но не дремлет Провиденье,
Нет, не спит Создатель твой;
Не забыл тебя Спаситель:
Здесь ли тлен твой разрешит,
В ту ли вознесет обитель,
Здесь ли, там ли, Он твой щит

Здесь за теплым солнцем лета
Мрак убийственной зимы;
Здесь огонь златаго света
Гаснет средь внезапной тьмы;
Здесь то ведро, то ненастье,
То волненье, то покой:
Дым и ветер мира счастье,
Все на время под луной.

Не теряйте упования:
Здесь начало — там конец;
Там терпению возданья,
За победу там венец.
Так! за гробом отдых вечный:
Други, чем тяжеле нам

Путь земной и скоротечный,
Тем вернее к небесам!

Потерпите Бога, братья!
Вас, омытых от грехов,
Призовет в Свои объятия
Он, Отец Своих сынов:
Потерпите день единый,
Потерпите малый час:
Свет без ночи, без кончины,
Вечность ожидает вас!

Псалом 143

Господь мою десницу брани,
И мышцы битвам научил:
К Нему воздвигну глас и длани:
Благословен Податель сил!

Благословен мой Избавитель,
Крушитель броней и забрал,
Помощник мой и Защититель,
Бог — на Него ж я уповал!

Что человек, о Всемогущий!
А на него зриаешь Ты
Из светлой, неприступной кущи,
С небесной тайной высоты!

Ночному мы равны призраку,
Ишельцу из жилища тьмы.
Весеннему подобно злаку,
Травы скорее вянем мы.

Всевышний небо преклоняет
И — в бурях, молниях и мгле —
Средь облак путь Свой направляет
К объятой трепетом земле.

Он гневные преклонит взоры —
И бездны стонут и ревут,
Колышутся волнами горы,
Утесы и холмы бегут.

Простер святую с неба руку —
Исторг меня из шумных вод,
Послал на грешных скорбь и муку,
Сразил, разсеял злобный род!

Ковали хищники крамолы;
Десница лжи десница их,
В устах их тщетные глаголы;
Исчезли в замыслах своих...

Прославлю на золотой псалтире,
Защиту Бога моего:
Пою по бране в сладком мире,
Пою, ликующий, Его,

Его, дающего спасенье
И честь и торжество царю!
К Тебе, Давида заступленье,
Мой Господи, к Тебе парю!

От гладного меча, Владыко,
Ты твоего раба хранил;
Каратель чуждаго языка,
Их гонишь духом бурных крыл.

Их зрел я: юная дубрава.
Воздвиглись мощные сыны;
Одежда дочерей — блеск и слава,
В красу, как храм, облачены.

Питаются роскошной паствой
Их многоплодные стада;
Трапезы клонятся под яствой;
За их вином молчит вражда;

Молчит мятеж и своеволие
Окован дерзостный разбой;
Их нежит тучное довольство,
Труды их золотит покой.

Грядут — и очи к ним подъемлют
Пришельцы из земель чужих;
Восторженным их песням внемлют
И ублажают долю их!

Но блага грешников мгновенны:
Подунет ветер — гибнет плоть!
Сыны ж Израиля блаженны:
Хранитель наш и Бог — Господь!

Отрывок из поэмы «Агасвер»

Был в граде Плиния великий храм
Астарты, полуварварской Юноны.

Служенье в нем преданья и законы
Присвоили издавна двум родам:
Придет чреда — и выбирают жрицу
В одном из них, в другом берут жреца.
Им право то бесценно: багряницу
Отвергли бы, не взяли б и венца
Ему в замену. Вот настало время,
И Каллиадов радостное племя
Готовится кумиру деву дать:
И жребий пал на Зою, дочь Перикла.
Но в душу Зои свыше благодать
Живая пролилася и проникла:
Не хочет дева идолу предстать.

Сначала, подавляя пламень гнева,
Отец ей молвил: «Нас покинешь, дева;
Обещана ты юному жрецу,
Аминту, сыну Клита Гермиада».
Она же отвечала так отцу:
«Аминт несчастный! Жрец и жертва ада!
Увы! скорбит о нем душа моя...
Родитель, не ему невеста я:
Христос жених мой». И красой чудесной,
Святым смиреньем, кротостью небесной
Не умягчила диких душ она;
Кровава пред отцом ее вина:
Не враг-завистник право вековое,
Наследие колена их, подрыл;
Нет, дочь его, дитя его родное, —
И вот старик пред Плинием завыл,
Весь обезумлен бешенством Эрева:
«Достойна казни дерзостная дева;
Уж мне не дочь, злодейка мне она.
Презрев преданья предков и законы,
Рекла: «Не буду жрицею Юоны;
Бред ваши боги; в мраке вся страна,
И свет, и правду вижу я одна»«.
Но Плиний сам считал мечтою тщетной
И уж отцветшей баснею певцов
Элады, Рима, Азии богов;
Вот почему с улыбкою приветной
С курульских кресел он взглянул на ту,
Которая в таких годах незрелых
Народную постигла слепоту,
Быть может из его ж писаний смелых.
«Тебя, — сказал, — не укоряю я;
Прекрасна смелость юная твоя,
Но увлеклась ты ревностью ложной:
Друг, назову тебя — неосторожной.

Безумец только бросит головню
В солому дома своего сухую,
Чтоб уподобить золотому дню
До времени, до срока ночь седую.
Пример Сократа мудрому закон;
Что ж? — предрассудкам потакал и он:
Да! петуха на жертву богу здравья
Он завещал же. — Цицерон
Не видел ни малейшего бесславья,
Что правил должностью авгура сам,
А между тем авгурам и жрецам
В кругу своих смеялся тихомолком, —
С волками жить, кто ж не завоюет волком».

Все это он вполголоса шепнул,
Затем осклабился, на чернь взглянул
И громко молвил: «Вот мои доводы!
Теперь, надеюсь, дороги тебе
Священные права твоей породы:
Рассудку ты покорна и судьбе.
А впрочем, область дум и слов и мнений, -
(Тут он понизил голос), — дочь моя,
Свободна, и тебе против гонений
Тупых глупцов покровом буду я».

— «Благодарю; меня, по крайней мере,
Не нудишь к лицемерству, властелин;
А знаешь ли, что рек о лицемере
Тот, Кто с создания земли один
И прав и чист и без греха пред Богом?» —
Так отвечала дева. — Грозный мрак
Простерся на лице незапно строгом
Проконсула; он ясно понял: так
Не говорят питомцы мудрований,
Которые секирой отрицаний
Всё разрушают, но в которых нет
Ни пламени, ни жизни для созданий,
Которых тусклый и неверный свет,
Лишенный теплоты лучей и силы,
Дрожит над зевом мировой могилы.
«О ком вещаешь?» — Плиний возразил.
Она же: «Вопрошаешь, повелитель?
Он Сын Жены, но и Владыко сил,
Был узником, но уз же разрешитель;
Ой умерщвлен, а мертвым жизнь дает».

Плиний

(пожимая плечами, с усмешкой)
Нет, Зоя! — Слишком дерзок твой полет:
Я антитез твоих не понимаю.

Зоя

Ой Свет и Слово, Бог и человек;
ОН мой наставник, — я иных не знаю;
И ведай, Он о лицемере рек:
«Кто, раб тщеславья или мзды и страха,
Здесь отречется пред сынами праха,
Пред смертными отвергнется Меня,
Того и Я за вашим миром тесным
В том мире пред Отцом Моим Небесным
Отвергнусь». — Пред лицом меча, огня
И срама не содрогнусь; все внемлите:
И скорбь л слава ваша — суета;
Пред вами исповедую Христа!
Терзайте тело, — дух в Его защите!

Не ожидал наместник: диве он
Дивится; но уже со всех сторон
Раздался зверский вопль остервененья,
И, если бы не ликторы, камень
В нее бы полетели. — Плиний был
Философ светский: благородный пыл
Смешил его, смешило вдохновенье,
Он бредом называл восторг; но тут
Свое взяла природа: изумленье
Его объяло, душу — сожаленье,
Стыд, скорбь, досада борят и мятут;

И вот он начал: «Мне ученье ваше
Не по нутру... Ты выбрать бы могла
Иное, поприветливей и краше
И боле ясное. Довольно зла
И гнусностей злоречье вашим братьям
Приписывает; враг я их понятиям,
Их суеверью. Но, вождей губя,
От них умею отличить тебя.
Мне тягостно предать тебя на муки.
Но я подвластен — связаны мне руки...
Как хочешь думай: я твоим мечтам
Пределов никаких не полагаю,
Но лютой черни буйственную стаю,
Хотя бы и притворством, должно нам
Смирить, покоить... Верить ли богам,
Не верить ли, — без алтаря, без храма
Не обойдется; горстку фимиама
Им бросить, кажется, не тяжело».
—»Тяжеле гор вселенной грех и зло,
В них боле весу, чем земля основа, —
Так отвечает ратница Христова. —
Души моей я не продам врагу,
Святому Духу Правды не солгу!»
Настаивал проконсул — труд бесплодный!

Уж и отца давно был залит гнев
Опасностью кровавой и холодной:
Он молит, плача, руки к ней воздев;
Но, токам слез слезами отвечая,
Бессильная, страшливая, младая,
И тут не пошатнулась ни на миг.
И час ужасный, роковой настиг:
Завопила, как тигр, толпа слепая;
Бледнеет Плиний, — уступил мудрец
И... деву предал. Тут верховный жрец
Астартина кумира первый камень,
Скрежеща бросил в Божию рабу.
Но деву преисполнил дивный пламень:
«Благословляю я свою судьбу! —
Она провозгласила. — Торжествую!
Свидетельствовать истину святую
Меня сподобил Ты, Владыко сил!
И се! горе над воинством светил,
Средь херувимов (вы Его не зрите ль?)
Стоит и машет пальмой мой Спаситель.
Туда, туда! там радость без конца,
За мной, Аминт! за мною в дом Отца!
Я жду, не медли! — презри прах и тленье,
За мной, за мной!» — А он? — его мученье
В тот страшный час чей выскажет язык?
Считать ее своею он привык.
Он смеет мыслить, что не равнодушна
К его исканьям чистым и она.
И что же? Богу своему послушна,
Могилы смрадной, гробового сна,
Всех ужасов свирепой, грозной казни
Питомица девической боязни
Не убоялась, только бы его
Не ставить выше Бога своего!
И Бог ее Аминту не противен:
Из уст любезной знает он Христа;
В ее устах сколь благ, велик и дивен
Спаситель мира! «Но ее уста
Чего же не украсят? — Так поныне
Говаривал Аминт. — Мечта! мечта!
О замогильной сумрачной пустыне,
О мире том не знаем ничего».
И вот же час настал: с очей его,
Как чешуя, упало ослепленье;
Грудь и его объяло исступленье,
И, жреческий сорвав с себя венец,
«Я, — он воскликнул, — идолам не жрец!
Умру за Бога Зои, с нею вместе!»
Тогда взревел неистовый народ:
«Смерть жениху-злодею, смерть невесте!»
И, как бурун неукротимых вод,

На них нахлынул. Из страны изгнания,
Из мрака и скорбей и скверн земли,
Туда, в отечество, в страну сиянья,
Их души серафимы унесли.

1832 – 1846

Сократизм

Всё во вселенной и цель и к лучшему - высшему средство!
Други! дыхание нам не для печалей дано:
Нет, за страданье моё, за терзания скорбного сердца
Бог мой мудрый, благой счастья продать не хотел
Избранным чадам Своим. Не во гневе Строитель вселенной
В час, когда вызывал к жизни молодые миры, -
Был земнородных Творцом. Он равной любовью любит
Вас, на пиру бытия быстрых, минутных гостей,
Равной любовью священных духов, чьим взорам являет,
Разоблаченный, Свой лик, пламенных, грозных послов
Творческой воли Своей. - Насекомого счастье для Бога,
Счастье твоё, человек, счастье Элои¹ - равны.
В каждой былинке живёт и дышит Он, будто бы только
В ней одной Его мир, в ней Его полная жизнь! -
Всё велико перед Ним: Он слышит с надзвездного трона
Глас херувима и зрит слёзы младенца: любовь
Бога Богом творит! Перестаньте же плакать и верьте,
Верьте, дыхание вам не для печалей дано!
Каждый считан ваш вздох; святым воздаянием веют
Средь испытующих мук пальмы над вашей главой.

2 ноября 1817

Молитва воина

Бог мой Хранитель и Вождь!
Блещут в туманах ревущие жерла;
Брань надо мной свои тучи простерла,
В воющем мраке, сквозь огненный дождь
Бог мой Хранитель и Вождь!

Грозен волнуется бой:
Что мне готовится в рдеющем поле?
Боже, Твоей отдаю себя воле!
К славе ли? К гробу ли? Смело с Тобой!
Твой - о мой Отче - я Твой!

¹ Элоа - первый из ангелов, герой «Мессиады», поэмы немецкого поэта Ф.Г.Клопштока (1724 - 1803), творчеством которого Кюхельбекер увлекался в лицейские годы.

Вождь мой! взываю к Тебе!
Ангел ли смерти пожнёт мои силы,
Кровью ли днесь изойдут мои жилы,
Вождь мой, веди: я в последней борьбе
Глас мой воздвигну к Тебе!

Конец 1810-х или начало 1820-х годов

Упование на Бога

На Бога возложу надежду:
Не Он ли в мир меня облёк?
Не Он ли чёрную одежду,
Хулу и скорбь с меня совлёк?

Мои враги торжествовали;
«Погибни!» - их вещал язык.
Но Бог богов на них приник:
Злодеи в кознях обнищали.

Он правоту мою явил,
Как луч полуденный и чистый,
Как блеск бесчисленных светил;
Воздвиг меня на холм кремнистый
И кровом крыл Своих покрыл!

Десницу к звучному органу
Простру и воскрылюсь душой:
Тебя, мой Боже, славить стану;
Ты меч, и щит, и панцирь мой!

Глагол, с небес в меня вложенный,
Как гром, промчится в времена, -
Дивясь, умолкнут племена;
Свой слух преклонят изумлённый
Моря, и дол, и вышина.

Гремите же, святые струны,
Пред Богом: Он хранит певца!
Раздайтесь до миров конца;
Летите, звучные перуны,
Разите гордые сердца!

1822 или 1823

К Богу

Воздвигся на мою главу
Злодеев сонм ожесточённый:
Их жадным воплем оглушённый,
К Тебе, о Боже, воззову!
Во гласе чистых песнопений
Прославив в радостях Тебя,
Тебя прославлю средь гонений:
Вручаю Господу себя.
Какой влиялся мир чудесный
В мою растерзанную грудь!
Незапно светлостью небесной
Оделся мой житейский путь...
Восстал Господь! Бог мещет громы
На нечестивые толпы.
На вихрях яростных несомый,
Грозой подъялся Царь судьбы.
Летят пред Ним Его рабы,
Летят, облачены в перуны,
Повиты молнией и мглой:
Одни золотые движут струны,
Другие мощною рукой
Из облак, бурей окрыленных,
Погибель мещут на надменных.
Нет! не покинет Он меня:
Исчезнет скорбь, промчится горе;
Благой десницей осеня,
Бог зрит меня в кипящем море.
Теките ж, гневные валы,
Разите, хляби, отовсюду:
Вы встретите отпор скалы;
К Нему взываю; твёрд пребуду!

1824

Брату

Повсюду вижу Бога моего:
Он чад Своих Отец и не покинет,
Нет! не отвергнет никогда того,
В ком вера в Милосердного не стынет.

Господь - мой Бог на суше и водах,
И в шумном множестве, в мирском волненьи,
И в хижине, и в пышных теремах,
И в пристани души - в уединеньи.

Нет места, коего лучом Своим
Не озарял бы Он, Повсюдусущий;
Нет мрака, нет затмения перед Ним:
Всем близок Благостный и Всемогущий.

Он близок: я уже Его узнал
И здесь, в глухих стенах моей темницы,
И здесь, среди седых, угрюмых скал,
Меня покрыла сень Его десницы.

Он близок, близок и тебе, мой друг!
К Нему лети на крыльях упования;
Его услышишь в самом глазе вьюг
И узришь в льдинах твоего изгнания!

1831

Новый год

*Господи! прибежище
был еси нам в род и род и пр.
Псалом 89*

Как в непрерывном токе вод
Струи несутся за струями,
Так убегают дни за днями,
За годом улетает год...

И вот ещё один протек!
Он скрылся, как мечта ночная,
Которую, с одра вставая,
Позабывает человек;

И как в пустой, глухой дали
Без следа умирают звуки,
Так радости его и муки
Все, будто не были, прошли.

Прошли оне, - пройдут и те,
Которые судьба Господня
Заутра нам или сегодня
В святой готовит темноте.

Не пред завесой ли стою?
Я жив и здрав, но что за нею?
Чрез год, чрез день, быть может, тлею,
И ветер развеет персть мою.

Не вянем ли, как вешний цвет?
Мы жизнь приемлем на мгновенье:
Нас видит солнца восхождение,
Луна восходит - и нас нет!

Сыны греха и суеты!
Наш век не нить ли паутины?
Без изменения Единый,
О Вечный, пребываешь Ты.

Ты был и до сложенья гор,
И до создания вселенной;
Ты был, когда зарёй червлёной
Не просиял ещё обзор.

Как с ветви лист, так с оси мир
Сорвёт стихий мятежных сила;
Поглотит жадная могила,
Как каплю, землю, твердь, эфир;

И будто плат, Ты свьешь тогда
Шатёр безмерный, многозвёздный;
Но Сам над беспредельной бездной
Пребудешь, чем Ты был всегда.

Пред Богом тысяча веков
Не боле срока часового,
Что среди сумрака немого
Стоит на страже у шатров.

И что же? каждый день и час
Непостижимый Вседержитель,
Защитник наш, Покров, Спаситель,
Блюдёт и зрит и слышит нас.

О Дивный в благости Своей!
О милостью Повсюдусущий!
Будь близок нам и в день грядущий!
Отец, храни Своих детей!

Всё молча примем, что бы нам
Судьбы Твои ни даровали:
Твоё ж посланье и печали;
Ты жизни силу дал слезам.

Избавь нас только от грехов
И влей нам в перси дух смиренья, -

И громким гласом песнопенья
Тебя прославим, Бог богов!

1 января 1832

Он есть

Он есть! - умолкни, лепетанье
Холодных, дерзостных слепцов!
Он есть! - я рук Его создание;
Он Царь и Бог Своих миров;
В Нём жизнь, и свет, и совершенство;
Благоговеть пред Ним блаженство,
Блаженство называть Творца
Священным именем Отца.

«Не рвися думой за могилу:
Дела! дела! - вот твой удел!
Опрись о собственную силу,
Будь твёрд, и доблестен, и смел!
Уверен ты в себе едином:
Так из себя всё почерпай, -
И мира будешь властелином,
И обретёшь в себе свой рай».

Денницы падшего ученье!
Слиянье истины и лжи!
Мудрец! - я есмь в сие мгновенье;
А был ли прежде? - мне скажи!
Теперь я мыслю, - а давно ли?
И стал я от своей ли воли?
И как из недр небытия
Вдруг просияло это я?

«Владей страстьми!» - брось лицемерье,
Поведай: радость и печаль,
Любовь и гнев, высокомерье,
И страх, и зависть ты всегда ль
Смирал успешно? Крови пламень
Тушил всегда ли? - Я... не камень:
Бывал я выше суеты,
Но с помощью высоты.

Пусть ум не постигает Бога:
Что нужды? - вижу я Его:
Там среди звёздного чертога,
Здесь в глуби сердца моего
И в чудесах моей судьбины!

Так буду жить я без кончины
Неразрушимым бытиём,
Могучим, вечным, - но о Нём!

Он недоступен для гордыни,
Он тайна для очей ума;
Блеснуть был должен луч святыни,
Чтобы расторглась наша тьма:
И се блеснул! Я вести внемлю:
Всевышний Сам сошёл на землю;
Отец духов, Владыка сил,
Бог в Сыне нам Себя явил.

4-5 января 1835

Молитва

Прибегну к Господу с мольбою,
Небесного взыщу Отца:
Не дай мне, Боже, пасть душою,
Но да креплюся до конца!

Ты знаешь испытаний меру,
Что мне во благо, знаешь Ты:
Пролей живительную веру
В меня с надзвёздной высоты!

Душа моя не есть ли поле,
Иссохшее в тяжёлый зной?
О Боже, Боже мой, доколе
Отринут буду я Тобой?

Не презри Твоего создання;
Твоё творенье я, Творец!
Нечистые мои мечтанья
Сорви, исторгни, как волчец;

Низвергни в море преступленья
Грех буйной юности моей;
Даруй мне тихие моленья;
Очисти взор моих очей!

Да устремлю туда желанья,
Где ужаса и скорби нет,
Где блеском вечного сиянья
Господень вертоград одет.

Первая половина 1830-х годов

Сонет

«Опомнись! долго ли? приди в себя и встань.
За искру малую чуть тлеющей веры,
Я милосерд к тебе был без цены и меры,
К тебе и день и ночь протягивал Я длань...

Не думаешь вступать с самим собою в брань;
Не подняли тебя бойцов Моих примеры, -
Ты спишь под лживые стихов своих размеры,
Приносишь ты и Мне, но и Ваалу дань.

Чтоб разлучить тебя с греховной суетою,
Чтоб духу дать прозреть, Я плоть поверг во тьму,
Я посетил тебя телесной слепотою».

Он рёк - и внемлю я Владыке своему...
О, да служу умом, и чувством, и мечтою,
И песнями души единому Ему!

22 февраля 1846